

Ajal perişdesi / poema

Category: Kitapcy, Poemalar, Ýatlamalar

написано kitapcy | 25 январа, 2025

Ajal perişdesi / poema AJAL PERIŞDESI

(Gündogar hekaýaty)

A.M.W-e bagyşlanýar

Seňki, seňki meniň gaýnagy synan
Dereksiz, ýönekeý işlem – seňki men,
Emma doludyr ol hyjuwdan ganan
Ýatlamalar bilen hem-de sen bilen!

Men gam çekip ýaşap ýörün, jigerim
Göterýär näzenin keşbiň gursakda,
Ýöne senden meniň ýalňyz dilegim:
Ajal perişdäm bol soňky pursatda.

Gel, sargaryp-solan çagym gussada
Hem-de posañ bilen kepil geç bada
Basym gowşup biljegime husnuña
Söýgi dünýäsinde, özge dünýäde!

Gudratlar mekany tylla Gündogar
Lezzetiň, heseriň, yşkyň ülkesi.
Ülpüldeşer gögüň gyzy – gülleri.
Bagtdan gaýry zat bol, küýseseň eger;
Onda tereň derýa çasly akýandyr,
Erkin bulut gökde leňner atýandyr,
Şapaklar asmanyn zer bilen ýuwar,
Gözleriň gamaşdyr dünýäniň görki –
Gözelligi – şol ajaýyp günleriň,
Entek ynsan betnam bolmazdan öňki
Görmegiňe kölge düşmändir seniň.
Söýýän seni, tylla reňkli Gündogar,
Kim synlasa jemalyňy bir kerem,

Dogduk diýaryny çykar ýadyndan.
Seň tekepbir gözel gyzlaryň gören,
Labyrdardar-da, gara gözleň odundan
Şeksiz gulak goýar, ot salyp köňle
Meniň size berjek gamgyn gürrüňme.

Ajal perişde bar; ömür ötende,
Gazaply ahyryň gelende ýowuk,
Ol bagryna basar bizi, öper-de,
Ýöne posalary sowukdyr sowuk.
Haýygarys, görgeý galarys doňup,
Günämizi ýuwjak bor jan derimiz,
Tibirdäris, urnup galarys derde,
Oňa rowa görmän soňky demimiz.
Emma bir wagt bu duşuşyk il-halka
Görünipdir eziz ykbaly bolup.
Ajal perişdesi dalda deý gelip,
Pynhan dilde aram beripdir kalba,
Köşeşdiripdir ol nazaryn salsa,
Howpurgan duýgyňa saldyryp taby.
Köňle giňlik berip gelipdir hötde
Herhal ynam bilen hassalan jany
Bir dem aldamaga soňky müddetde!

Ajal perişdesi jümle-jahanda
Aýlanypdyr, häzir bolupdyr her dem;
Kime dünýä şepagatsyz bakanda,
Tapyлмаsa kimiň derdine melhem;
Ol geldigi köňül tapyp aramy,
Ýelgini beripdir asmanyň demin.
Ol misli bir ýyllyz, göwher parasy,
Dünýä saçyp imisala şöhlesin,
Nega kim eýlese ömrüni ahyr,
Maýyl edip äkidipdir behişde
Ýeriň azabyndan dynanyň ruhun.
Ilem bagtly, bagtly eken perişde.
Indi näme ony gören gagsaýar,

Posasy – oň lagnagyna ogşaýar?

.

Däli möwjüň tolkunynyň urulyp,
Güwwüldileň nagra dartýan ýerinde,
Hindi günňüň aşagynda garalyp
Bir-birin ýassanan gerişlerinde,
Soňky gaýa diýseň gorkunç hem beýik,
Otyr sary kertin şemala gerip,
Göwre deňze, başy girýär asmana,
Bürgütler uçup ýör höwürttge gurup.
Balykçylar gorkýar iňrik garalsa
Şol elhenç daglyga aýak basmaga.
Deresi basyrlan ýaban daragta,
Hoňkaryp dur onda ýylan-içýanyň
Garaňkynyň mesgen tutan gowagy –
Ylla hamhyýala aldanan akyl,
Bimatlap sürülen ömür deý ylla,
Hoňkaryp dur etmişini aýtmadyk
Gandar gözleriniň sowuk owasy:
Gijeler çyrasy – asmanyň aýy,
Ýalňyz hümrdeş i – deňiz tolkuny.
Gowaga goýulan garawul ýaly
Hurma agajyndan doly alkymy.

Gadym zamanlarda ýurdundan kowlan
Bir gelmişek ýaşapdyr şol gowakda.
Ýaşapdyr Zoraim atly bir oylan
Ony ýekiripdir halk-da hem Hak-da.
Ol bagtly boljakdy, ýöne döwrany
Agtarypdyr bolgusyz hem pes ýoldan.
Kämil däl diýp kemsitse-de özgäni,
Özem asla kämil däl eken ilden.
Beýiklik gözläpdir manysyz zatdan,
Ýersiz heder edip, çekipdir arman
Ýalançy-da ýalandygna bagtyň-da!
Çete çekilipdir ýakyndan-ýatdan,

Bu dünýäde hiç adama ynanman.
Söýüpdür ol erki, howaly dagy,
Agşamlary, adamlaram söýüpdür,
Emma ram edinip nowjuwan çagy
Ili ýigrenmäge kemsiz uýupdyr.
Ýöne ýüreginde lowlaýan ody
Söndürip bilmändir hiç bir pillede.
Söýgi asla gorkýan däldir sütemden:
Yşk – Hudaýdyr – hatda ýigrenilse-de!
Diňe bir keramat, ýalňyz baýlygy
Eltäýjek ýalydy ony myrada
Jennete öwürip çölüstanyňy...
Ýöne... oraşanmy düýşler mydama?..

Howalaly bir baýrynda Liwanyň
Şaglap otyr serwi – mazar agajy.
Çyrmaşyşy ýaly iki juwanyň
Çyrmaşyk bägüldi daragtyň daşy.
Goý, tüweleý tursun, harasat-ýeller
Omursa omursyn heder etmez ol.
Dal gerdenne çyrmaşypdyr bägüller;
Diýmek ýalňyzlykda ölüp gitmez ol
Bu dünýä ýat Zoraimem şeýledi,
Ýanynda Adasy – peri-peýkeri!
Tezdi Ada sähra maraly ýaly,
Terdi Ada jennetiň al güli deý.
Duýgudandy göwsi, sagrysy, bili,
Gözlerde ot – Günortanyň günü deý.
Dünýä keýpi-sapasydy gözeliň,
Tukat hem gödeňsi şol mysapyr tä
Gyza dikip buzdan sowuk görejin,
Onuň näzik dünýäsine girýänçä:
Şonda täsin meýil döräp Adada,
Ýigdiň öli ýüregine jan berdi.
Yşk oduny ýakyp sowuk didede,
Berdi ýüregine owsunjy jebri.
Söýdi ony Zoraimem şol günden,

Söýgä diňe söýen düşünip biler.
Ykbal sulhun alyşdyrsa göwünleň
Diňe gabyr aýra düşürip biler!

Gök asmanda zeriň damjasy deýin
Ýyldyzlar hem Aý salýardy ýalkymy,
Saýardy gowaga kümüş şöhlesin;
Ummanyň bitakat däli tolkuny,
Gijäň sergininden doly tolkuny
Agarýar-da gujaklaýar gaýany.
Ýadymda şo mahal, ýadymda şo çag,
Adaty bir owaz, gamgyn bir owaz,
Ýañlandyryp gitdi dagyň gaýasyn:
Gowagyndan çykdy gowagyň hany.
Haňsy melgun jadysyna daýanyp,
Gudrat bilen sem etdi ol owazy?..

Özün bilmän diýen ýaly bimejal
Ýatyr Ada garaşyp şum ajala.
Onuň roýyn sypap össe-de şemal
Sanalgy dem gutarypdy alara.
Gündogara garap çyraýsyz gözler
Gubarlap biderek galýardy derde:
Gaýdyp ol owadan säheri görmez,
Barybir oň üçin gutardy erte;
Erte çykar Ada başga bir ýerden,
Onda derkar dälidir Gün hem säher hem!
Gyzyň başujunda hazan uran dek
Bir pynhan duýgudan elheder alyp,
Dyzyn epip, gamdan bir gysym bolup,
Dur Zoraim, gyzyň demi azalýar.
Mysapyryň penjesinde gözeliň
Sowap barýan eljagazy agarýar.
Durmuş ony ýyldyp bilenok hatda:
"Ölüp daşda gözleriňe söweýin,
Eliňde ýyly ýok, oňa em tapdyr,
El sowany bilen ters gelmez takdyr!"

Ine şeydip pajygaly pursatda,
Umydymyz ýok zatlara jan salýar,
Ynanýarys özümize erk etmän.
Salgym deý aldaýan hyýala hat-da.
Ynam ýüregimiziň üstünden gülýär,
Ynam biziň ýüregimizi terk etmän.

Ajal perişdesi dünýä keş t edip,
Günortadan uçup gelýän halaty
Bitakat howsala ýüregin ezip,
Gelipdir gulagna yşkyň nalasy.
Zemin sary inip sähel salymda,
Gonupdyr ol şol gowagyň ýanyna.
Görse, bir näzenin derdiň elinde
Gidip barýar, eräp barýar panyda.
Dep etmäge agyr derdin Adanyň
Datly posa bilen sogurdy janyn,
Başga alaç edip biljegem däldi!..
Ýa-da gelniň janyn alan mahaly
Zoraimiň duranyňy görmändi..
Emma birden ýag çyranyň ýalkymna
Görüp doňan hem düşnüksiz nazary
Müýnden ýaña ýürek-bagryn gyýdy ol,
Keramatly öz perişde kalbynda
Eden hatasyna ahmyr duýdy ol.
Çynym aýtsam, hatda jenaýat işde
Özüni kä günälärdi perişde.
Apardy ol Zoraimiň bagtyny.
Ýigit bu dünýede bir gyz söýüpdi,
Şonuň üçin akyl-parasatdan-da,
Duýgudan-da onuň yşky beýikdi..
Ýok ýok, aglamady mysapyr, çünki,
Aglandan elhençdi gan-petsiz reňki
Sebäp onuň söýgüsi hem gussasy
Iki bolup ölmüň öňün tutmady.
Perişde dert-yza syzdy köňülde;
Ýigdiň asuda hem sowuk dymşynda

Bardy namutlykdan, pidadan nyşan.
Gam çekenden – aglanyň has ýeňil-le,
Ýeňil-le bagryňa öýdürenden gan.

Perişde asmany pikirler bile
Örtenýär terstäleý özi dek ylla:
Münýär ýigdi begendirmek meýline.
Heý-de betbagtlary ýaradan Alla
Gynanarmy begendirseň ynsanyn?
Emaý bilen salýar gyzyň meýdine
Perişde gursakdan sogrup öz janyn
Gudrat!.. Tirsildi bar gyz göwresonde
Tene säher çayyp gany ýöredi.
Garamyk kirpikleň kölegesinde
Ýandy onuň ýyldyrymly göreji.
Şeýdip Ajal perişdesi garylady
Bu durmuşda eziz zatlaň baryna,
Ýöne aklyň serhetleri bar indi
Hem ozalky hökmi ýokdy panyda.
Diňe oň dumanlap duran serinde
Geçip giden ýyllaň oýlary bardy;
Günortanyň aýsyz gijelerinde
Ol süýnen ýyldyz deý ýalkym atýardy.
Şonda bigamlygna haýrandy Ada,
Geljegem garaňky görnerdi şonda.
Bakyýet deý baky duýgylary-da,
Bir duýga, bir duýga jemlendi onda.
Hyýaldan, hyruçdan möwç urup göwün
Söýüp ýalňyzlykdan dynan ýaryny.
Bigünä kalbynda, hamana, ölüm
Yşk oduny söndürmedik ýalydy!..

Günleriň bir günü şol beýik gerşiň
Üstünden tolkunlaň oýnuna bakyp,
Otyrды mysapyr pikire batyp.
Tylla şapak oýnap mawy ummanda
Bimöçber giňlige çayanynda zer,

Görünýärdi ygym-sagym dumanda
Alysdan agaryp barýan ýelkenler.
Garamyk gözleri bakanda dikan
Bir gozgalaň duýdy ýigdiň kalbynda.
Göwnüňe bolmasa, turýardy tupan
Oň ýabany ýürek salnan kalbynda.
Ýigit bolsa aljyraňňy didesin
Alyslara dikip, ot salyp jana
Emaý bilen bagra basyp Adasyn,
Eda bilen habar gatdy jenana:
"Ýok! Men gaýdyp iňläp ýatan ykbalda,
Birmeňzeş günlerde mydar etmerin.
Men erkin men, ýöne ýürek zyndanda,
Erkin bolmalydyr ýüregim meniň!
Durmuş näme? Dolam bolsa zäherden
Ber maňa şöhratdan püre-pür bada,
Çekeyin başyma, geçeyin serden
Rahat ömür – ölüm ahyr dünýäde!
Maşgala hamydyn başymdan aýlap,
Ir-giç erkinlige giderin ýaýnap...
Aýt ahyry, örtenip bu panyda,
Çeke-çeke panylygyň jebrini,
Ýaşanyma ýalňyz delil – bakyda
Ýalňyz yz deý goýmalymy gabrymy?
Dirilikde öli borunmy? Ýok! Ýok!
Seret, Ada, aňyrsynda şol dagyň
Basym agyr goşunlary garpyşjak
Biri-birisinden gazaply şanyň:
Bulutlaň içinde oýanyp säher
Daň hal atyp jemalyny durlanda,
Gylyçlaň sesinden lerzan alyp ýer
Elhenç-elhenc zog çalanda surnaý-da,
Haýsam bolsa birisine şol şanyň
Nöker bolup jeňe giderin erte.
Amana gelmerin çykmasa janym
Hem garaşma meniň ýeňlip gelerme!
Men gelmerin, diňe tolkunlar geler

Bir-birin kowalap harasat-gaýda.
Olar birsellemlik ynjalyyp biler
Gamysly, jyglymly şu jelegayıda.
Eger ýeňsek şol gazaply soltany
Biziň peýdamyza tamamlansa jeň,
Saňa biýrin hazynany, oljany
Maňa bolsa besdir şöhrat bile sen.
Bilýärin men: uly söýgi hiç zaman
Gahryman gylyjyn eden dälidir ret.
Hatda seň raýyňy ýyksam-da, Adam,
Maňa hökman, hökman gan görmek gerek!
Ynan, gorkuly däl maňa birjik-de
Batyl hem hilegär ykbalyň oýny.
Näme ýaşyň düwmelendi kirpikde,
Saňa näme bolýar, eý serwi boýly!"
Diýýär oňa Ada: "Görüpmediň sen
Akyp ýatan çayıň başynda biten
Güli, elwan güli pasly-baharda?
Çaý asuda aksa näz eder gül hem
Çaýdaky öz jemalyňa bakar-da!
Eger ýel öwüsse, bikarar bolup,
Tursa çayıň бүклүм-бүклүм tolkuny,
Gülüň kölgesi-de elheder alyp,
Eýsem suwda yranmazmy gül kibi?
Bir ahyry seniň, meniň ykbalym,
Gitseň hasrat çayılar meň gamzama,
Sen çayıň tolkuny, men näzik gülüň:
Sen gamlymy – meniň goýnum gamhana:
Neneň ýaşaryn men aýrylsam senden?
Bu bagtly pursadyň soňudyr, belkem!.."

Neçüýn, neçüýn bu mukaddes jülgede
Mirt* gülleri saçýar ýakymly ysyn?
Neçüýn, Taňrym, adamlar bu dünýede
Goýýar tebigatda öz hapa yzyn?
Topur-torç edilip maýsaly meýdan,
Güller gyzyň gana boýalýar ýerde.

Guşa derek uçýar asmana peýkam
Totdur-tozan arşa hem kürse perde.
Ýeňýänleň şowhuny, ýeňlenleň ahy –
Efganyndan jünbüş eýläp gara ýer,
Goh-gowurdan göterilip haýýady
Mesgeninden uçup gidýär bilbiller.
Olar taşlap gidýär eziz diýary
Gülleriň – söýgüsniň şa mekanyna.
Onda gara ýygyn basgylap ýazy,
Boýap bilmez gülleri al ganyna.

Diňle!.. zenzeläni!.. Ýer-gök çaňjaryp,
Damagyny ýyrtýar söweş surnaýy.
Gulakda peýkamlaň sesi ýaňlanyp,
Ideýär meýdandan betbagt gurbany.
Gündogardan gyzarýar-da dogýar gün,
Gan gören gün, gara ýerdäki sap-sap
Nökerleriň, serheňleriň gürzüsin,
Naýzasyn, gylyjyn al gana boýap.
Kem-kemden garjaşyp şalaň goşuny
Gylyç sürüp süri kimin goşuldy.
Gürzi gümmürlenip, polat naýzanyň
Tygy ýalkym atýar, çat açýar galkan.
Esgerleň ýüregi – galkany şanyň –
Sanjyber patşany nyşana alsaň!..

Heý, beýle-de söweş bormy, eý Alla!
Ýylдыrym çakdyryp, gök lerzan alyp,
Bulutlar garpyşýan ýalydy ylla.
Leşgerleriň güýji barabar bardy.
Goşun garpyşýardy, ganlar sil bolup,
Her tarapa böreň-böreň akýardy,
Ykýardt baýdagyň gara kölgesi,
Läş-läşiň üstüne, agýardy esger,
Uçgun deý söňýärdi jan beren sesler.
Şo barmana ýeňse berdi bir tarap:
Gaçdy bosgun, ökje göterip ýygyn,

Gaçanlardan garaw bolmajagy hak;
Çap-da, sanç-da gyzył ganlara ýylyn!
Diňe ýalňyz ýigit, golda galkany
Gylyç saldy gazap donuny geýip,
Ýöne onuň daşyn duşman gallady,
Gallady daşyny baslygan meýit.
Şeýdibem meýdanda ýeke-täk galdy,
Ýok, ol şa-da däldi, şazada däldi,
Janalgýç nazary içiňden geçip,
Bethaýbat göwresi howuň bassa-da.
Ýöne okýylan dek bir peýkam uçup
Ajal bolup geldi ýigdiň kastyna.
Bedewiň üstünden agyp gaýtdy ol,
Ne ah çekdi, ne-de bir söz aýtdy ol.
Ýañlandy meýdanda ýeňiş şowhuny –
Ýañlandy ýas mukamy deý o merdiň.
Ýalyn ýaly çabrap duşman kowgusy
Geçip gitdi basyp şol ýigdiň meýdin.

Kötel gara dagda nowjuwan Ada,
Naçar Ada durdy syn edip ýowa,
Ýüregin mynçgadyp sessiz perýada,
Säher deý kaddyny gözýaşa ýuwa.
Gara gözler, wah, gark bolup barýa-la,
Ýaşlara öwrülip barýa-la gözel.
Gursagynda gyz ýüregi urundy.
Eý, Hudaýym, Adañ gözlerin gören,
Hatda şöhrady-da etmezmi pida?
Emma Zoraime eziz göründi
Gyz mährinden gana barýan şo ýoda.
Wah, kelesañ! Bilmediň sen gymmatyn
Gola düşen bagtyň gymmatyn haýyp!
Bilmediň sen perişdäniň, jennetin
Terk edip, janyny berenin Ada
Seni gam-gussadan gutarsam diýip!
Ol şatlykdan, bakylykdan aýryldy
Dep etmäge seniň agyr hasratyň,

Janlandyrsam diýip seniň aýdymňy
A sen Ada näme gulak asmadyň?
Duýsaňdyň sen onuň dowul alýanny.
Eý mysapyr, görküň perişdesi heý,
Tekepbir, boş hyýalyňdan arzanmy?
Garaşýar ol ýüzün ýaşlara ýuwup,
Meýdanda sümsünýär imisalalyk,
Jeň bolan jülgede üzülip rişde
Duşman gitdi duşman yzyndan kowup.
Jeset bolup ýatyr sansyz halaýyk.
Nirede sen köşeşdirji perişde,
Nirede sen buşlukçysy jennetiň?
Ol zemini hyjuwlardan örtenýär
Hem eşdenok ahy-pygan seslerin.
Günem batyp baryar, garaşýar Ada...
Ol bolsa gelenok... Dünýä asuda!..

Gözel jülgä inýär assa-assadan,
Alnynda elhençlik ýaýylyp ýatyr.
Meýit – aýagyňy ýer diýp bassaňam,
Başy ölümlü bigünäniň howatyr
Edişi deý ölüminiň öňünde,
Howpurgaýar, gorka garylan ynam
Gaýmak ýaly endiräp dur köňülde.
Gorkunçdy, ýow geçen jülge gorkunçdy,
Bardy onuň yza gaýtmak hyýalam
Emma gorkusyndan rüstemdi yşky.
Gyş başyny egýär: efgana-aha
Demigýär, uruşy ezyär ýaşyna.
Doňup galýar! Ine, şu mahal Ada
Mazar liliýasyn salýar ýadyňa!
Nirede ol? Ölen bolsa ezizi?
Onda kimkän bu çalajan iňňildän?
Aýagnyň astynda perişan gyzyň?
Döşüni peýkama boýladan kimkän?
Kimiň sesi berbat eýleýär kalby?
Jeset, gyzyň daşy durşuna jeset...

Kim ol? Ýöne nätjek, boljak iş boldy!..
Täleýler ters geldi!.. Zoraïm – eset!
"Gelen senmi? Ada, senmi bu gelen?
Git bu ýerden, gözleriňe söweýin
Eşidýämiň, sen garamyk didelen
Elhençligin görmeli däl söweşiň!
Ol gözler görmeli däldir läşleri:
Bilýän, seniň söýgiň sygmansoň içe
Gelensiň. Peýdasy barmydyr ýeri?..
Diňe gan göresom gelipdi meniň,
Gan gördümem... Seni galdyryp, ine,
Basym baky düýşsüz uka giderin.
Onuň holsa ýalňyz günäkäri men...
Men ölerin ýyldyz görünen bada.
Üstümüzden ösdi aýralyk ýeli.
Gorkma gandan! Uzat, ezizim eli,
Men seniň alnyňda günäkär, Ada.
Bagyşla, sen ýalňyz galarsyň mensiz,
Mesgenem, hossaram tapyp bilmersiň.
Başga döşe başyň goýanyň bilen
Hem söýeniň bilen bagtly bolmarsyň;
Iki bagtlh bormy dünýä bir gelen?

Geregi ýok otly posalaň dilber,
Goýma sowap barýan dodagma lebiň!
Meni indi posa dirildip bilmez.
Gaýta gussa goşup gussama meniň,
Bagtly döwürlerim salarsyň ýada.
Ah, eger unudan bolsadym käşgä,
Ýatlamalaň bardygyny dünýäde!
Sowuklyk kem-kemden gursagma süýşýä,
Diýmek, ölüm! Heý, oslajak zadyňmy?
Men entek ýaş ahyr! Ýaş! Ýaş! Aslynda
Döwran sürmelidik gyzyly-ýaşylly
Elwan imisalalygyň astynda.
Hurmalaryň kölgesiniň astynda
Döwran sürmelidik, ýöne nädeýin,

Ynamymy diýseň gödek aldady,
Meni senden aýran ýowuz täleýim!..
Bir zaman, ilimde, oglankam häli
Ýurdumyzyň bir akyldar palçysy
Meniň täleýime agtaryp paly
Aýdypdy: şeýle bir ajap wagt gelip,
Dabaraly ýeňiş gazanmalydym,
Şan-şöhrady başa jyga dek geýip,
Ýöne... sowuk demi urýar ajalyň..."
Göründi hijranyň ýeli öwseni,
Sesi ýaň deý eräp barýar howada,
Solýar kem-kem-gözleriniň röwşeni.

Many alyp bilme-de ýaryndan,
Ýaradar ýigdini bagryna basýa.
Göýä çykaran deý Ada ýadyndan
Öňki gudratlaryň ýokdugyn asla.
Owalky posa däl – posasy onuň,
Boş posadyn bolsa-da ol asaldan.
Ne alyp bilýädi yzanyň öňün,
Ne-de rüstem gelýärdi ol ajaldan.
Şol mahalam bir ýerinden asmanyň
Dogdy ýyldyz – tylla tygy tire deň.
Astynda bir bendäň eňek atýanyn
Asmandaky ýyldyz bilsin nireden?
Şeýdibem kem-kemden inip aşaga
Hem bälçiräp nazarlady pidany.
Zoraim galýardy ýersiz azara
Habar gatjak bolup gamgyn ýaryna.
Emma sözi hyjuwlardan jydady!
Indi ýakyp baranokdy ýaşy-da,
Güýç yok sowan synasyny ýyldara.
Mejalsyz damýardy ýaraň gany-da:
Birden gijäň ruhy deý çayçaňňalak,
Gygyryp, asmanda awun peýledi.
Walla, ol çykmadyk janyňam aljak!
Oglan bolsa alysdaky ýyldyza

Hem perişan Ada nazar aýlady,
Hem tirsegne galyp, çekip ah-arman,
Sandyrap, galdyrap tabşyrdy ol jan.
Öldi. Dodaklary gögerýär barha.
Eziz keşp adamlaň ýagty jahanda
Haýykýan zadyna öwrülip barýa.

Kölegesi dury iňrikden geýnen
Azaşan şöhle deý, heý, küýsän arşy
Göterlip gitmezmi asmana eýsem,
Gitmezmi şol parlak ýyladyza garşy?
Alnynda kümüşsöw agyllapdyr Aý,
Ýyladyzlar çalymdaş sabaň çygyna.
Alagaraňkyny çyzyp barýan ot
Meñzeş süýnüp barýan ýyladyz yzyna...
Ol örtenen Ajal perişdesidi,
Gow kimin galdyryp meýdin gözeliň,
Zeminde galdyryp zemin derdini,
Uçup gitdi gözün baglap göreniň...
Onuň ýurdy arşda, ýene, elbetde,
Ýerde söýen söýgüsine uçar ol.
Ýene Ajal perişde ol pelekde
Öz pişesin dowam edip uçýar ol!..
Ukyň çykyp gidişi deý endamdan
Çykypdyr süňňünden ahy-efganam,
Emma bu dünýeden sowukdy kalby,
Onda dünýä ýigrenç urýardy öwji.
Ar aldykça ýerne gelýärdi göwni:
Ýaşayşa ýigrenji, ýigrenji dünýä –
Zoraime söýgi bolup görünýä!
Ýene perişde ol, müň bir menzili
Birdemde hyýal deý geçip gelýär ol.
Nazarlary bilen asyry, ýyly,
Hatda bakyýeti ölçäp bilýär ol.
Dünýä mähir-mylakatyn ýitirip,
Perişde jemledi serde pikirin:
"Adamlar degmeýär gam çekenine,

Söýgi däl-de, jepa gerek olara.
Jeza gerek iň ahyrky deminde
Ezýet çekip, jebir çekip ölere.
Hilegär hem ýowuz olar çakyňdan,
Ýagşylygy – nogşanydyr – her işde.
Ömürem ýük olara ýaş başyndan..."
Oýlanýar, mamladyr, belkem perişde?..

Onuň bilen gutulgysyz duşuşyk
Hatar şondan bäri ynsan ogluna;
Göreçleri parlap geçer bakanda;
Onuň mylakatly habar gatyşy
Gyjyt bolup salar bizi dowluna.
Goýny doňdurýa dyr bagra basanda,
Hem onuň posasy – onuň gargyşy!..

1831 ý.

**Mirt – ýaraşdyryjy simwoliki gül. (Terjimeçi).*

Terjime eden: Nobatguly REJEBOW.

* * *

• АНГЕЛ СМЕРТИ

Восточная повесть

Посвящается А.М.В.

Тебе – тебе мой дар смиренный,
Мой труд безвестный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньем и – тобой!

Я дни мои влачу, тоскуя
И в сердце образ твой храня,
Но об одном тебя прошу я:
Будь ангел смерти для меня.

Явись мне в грозный час страданья,
И поцелуй пусть будет твой
Залогом близкого свиданья
В стране любви, в стране другой!

Златой Восток, страна чудес,
Страна любви и сладострастья,
Где блещет роза – дочь небес,
Где всё обильно, кроме счастья;
Где чище катится река,
Вольнее мчатся облака,
Пышнее вечер догорает,
И мир всю прелесть сохраняет
Тех дней, когда печатью зла
Душа людей, по воле рока,
Не обесславлена была,
Люблю тебя, страна Востока!
Кто знал тебя, тот забывал
Свою отчизну; кто видал
Твоих красавиц, не забудет

Надменный пламень их очей
И без сомненья верить будет
Печальной повести моей.

Есть ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставанья
Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья,
И страшен вид его для глаз
Бессильной жертвы; и невольно
Он заставляет трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Последний вздох ему отдать.
Но прежде людям эти встречи
Казались – сладостный удел.
Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,

И бурные смирят он страсти,
И было у него во власти
Больную душу как-нибудь
На миг надеждой обмануть!

Равно во все края вселенной
Являлся ангел молодой;
На всё, что только прах земной,
Глядел с презрением нетленный;
Его приход благословенный
Дышал небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Как полуночная звезда,
Манил он смертных иногда,
И провожал он к дверям рая
Толпы освобожденных душ,
И сам был счастлив. Почему ж
Теперь томит его объятье,
И поцелуй его – проклятье?
.

Недалеко от берегов
И волн ревущих океана,
Под жарким небом Индостана
Синеет длинный ряд холмов.
Последний холм высок и страшен,

Скалами серыми украшен
И вдался в море; и на нем
Орлы да коршуны гнездятся,
И рыбаки к нему боятся
Подъехать в сумраке ночном.
Прикрыта дикими кустами,
На нем пещера есть одна –
Жилище змей – холодна, темна,
Как ум, обманутый мечтами,
Как жизнь, которой цели нет,
Как недосказанный очами

Убийцы хитрого привет.
Ее лампада – месяц полный,
С ней говорят морские волны,
И у отверстия стоят
Сторожевые пальмы в ряд.

Давным-давно в ней жил изгнанник,
Пришелец, юный Зораим.
Он на земле был только странник,
Людьми и небом был гоним.
Он мог быть счастлив, но блаженства
Искал в забавах он пустых,
Искал он в людях совершенства,
А сам – сам не был лучше их;
Искал великого в ничтожном,
Страшась надеяться, жалел
О том, что было счастьем ложным,
И, став без пользы осторожным,
Поверить никому не смел.
Любил он ночь, свободу, горы,
И всё в природе – и людей, –
Но избегал их. С ранних дней
К презрению приучил он взоры,
Но сердца пылкого не мог
Заставить так же охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она – хоть презрена – всё бог.
Одно сокровище, святыню
Имел под небесами он;
С ним раем почитал пустыню...
Но что ж? всегда ли верен сон?..

На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумит

И сломит кипарис высокой, —
Вкруг кипариса плющ обвит:
Он не погибнет одиноко!..
Так, миру чуждый, Зораим
Не вовсе беден — Ада с ним!
Она резва, как лань степная,
Мила, как цвет душистый рая;
Всё страстно в ней: и грудь, и стан,
Глаза — два солнца южных стран.
И деве было всё забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанник бледный, величавый,
С холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье
Огонь в очах его родить
И в мертвом сердце возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей. Зораим
Любил — с тех пор, как был любим;
Судьбина их соединила,
А разлучит — одна могила!

На синих небесах луна
С звездами дальными сияет,
Лучом в пещеру ударяет;
И беспокойная волна,
Ночной прохладой полна,
Утес, белея, обнимает.
Я помню — в этот самый час
Обыкновенно нежный глас,
Сопровождаемый игрою,
Звучал, теряясь за горою:
Он из пещеры выходил.
Какой же демон эти звуки
Волшебной властью усыпил?..

Почти без чувств, без дум, без сил,

Лежит на ложе смертной муки

Младая Ада. Ветерок
Не освежит ее ланиты,
И томный взор полуоткрытый
Напрасно смотрит на восток,
И утра ждет она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будет там,
Где солнца уж не нужно нам.
У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораим
Стоит – коленопреклоненный,
Тоской отчаянья томим.
В руке изгнанника белеет
Девуцы хладная рука,
И жизни жар ее не греет.
«Но смерть, – он мыслит, – не близка!
Рука – не жизнь; болезнь простая –
Всё не кончина роковая!»
Так иногда надежды свет
Являет то, чего уж нет;
И нам хотя не остается
Для утешенья ничего,
Она над сердцем все смеется,
Не исчезая из него.

В то время смерти ангел нежный
Летел чрез южный небосклон;
Вдруг слышит ропот он мятежный,
И плач любви – и слабый стон,
И, быстрый как полет мгновенья,
К пещере подлетает он.
Тоску последнего мученья
Дух смерти усладить хотел
И на устах покорной Ады
Свой поцелуй напечатлел:

Он дать не мог другой отрады!
Или, быть может, Зораим
Еще замечен не был им...
Но скоро при огне лампы
Недвижный, мутный встретив взор,
Он в нем прочел себе укор;
И ангел смерти сожаленье
В душе почувствовал святой.

Скажу ли? – даже в преступленье
Он обвинял себя порой.
Он отнял всё у Зораима:
Одна была лишь им любима,
Его любовь была сильнее
Всех дум и всех других страстей.
И он не плакал, – но понятно
По цвету бледному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерял он невозвратно.
И ангел знал, – и как не знать?
Что безнадежности печать
В спокойном холоде молчанья,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

И ангел мыслью поражен,
Достоиную небес: желает
Вознаградить страдальца он.
Ужель создатель запрещает
Несчастных утешать людей?
И девы труп он оживляет
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь в груди остылой
Опять волнуется, кипит;
И взор, волшебной полон силой,
В тени ресниц ее горит.
Так ангел смерти съединился

Со всем, чем только жизнь мила;
Но ум границам подчинился,
И власть — не та уж, как была,
И только в памяти туманной
Хранит он думы прежних лет;
Их появление Аде странно,
Как ночью метеора свет,
И ей смешна ее беспечность,
И ей грядущее темно,
И чувства, вечные как вечность,
Соединились все в одно.
Желаньям друга посвятила
Она все радости свои,
Как будто смерть и не гасила
В невинном сердце жар любви!..

Однажды на скале прибрежной,
Внимая плеск волны морской,
Задумчив, рядом с Адой нежной,
Сидел изгнанник молодой.
Лучи вечерние златили
Широкий синий океан,
И видно было сквозь туман,
Как паруса вдали бродили.
Большие черные глаза
На друга дева устремляла,
Но в диком сердце бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой рассеянные взгляды
На красный запад он кидал
И вдруг, взяв тихо руку Ады
И обратившись к ней, сказал:
«Нет! не могу в пустыне доле
Однообразно дни влачить;
Я волен — но душа в неволе:
Ей должно цепи раздробить...
Что жизнь? — давай мне чашу славы,

Хотя бы в ней был смертный яд,
Я не вздрогну — я выпить рад:
Не все ль блаженства — лишь отравы?
Когда-нибудь всё должен я
Оставить ношу бытия...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
И мне покойну быть? — о нет!..
Взгляни: за этими горами
С могучим войском под шатрами
Стоят два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успеет в облаках проснуться,
Труба войны и звук мечей
В пустыне нашей раздадутся.
И к одному из тех царей
Идти как воин я решился.
Но ты не жди, чтоб возвратился
Я побежденным. Нет, скорей
Волна, гонимая волнами

По бесконечности морей,
В приют родимых камышей
Воротится. Но если с нами
Победа будет, я принести
Клянусь тебе жемчуг и злато,
Себе одну оставлю честь...
И буду счастлив, и тогда-то
Мы заживем с тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала...
Мой друг, я должен видеть кровь!
Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.

Как? ты бледнеешь?.. слезы? слезы?
Об чем же плакать, ангел мой?»
И ангел-дева отвечает:
«Видал ли ты, как отражает
Ручей склонившийся цветок?
Когда вода не шевелится,
Он неподвижно в ней глядится,
Но если свежий ветерок
Волну зеленую встревожит
И всколебается волна,
Ужели тень цветочка может
Не колебаться, как она?
Мою судьбу с твоей судьбою
Соединил так точно рок,
Волна – твой образ, мой – цветок.
Ты грустен, – я грустна с тобою!
Как знать? – быть может, этот час
Последний счастливый для нас!..»

Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят.
Цветок измятый обагрится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах.
Крик победивших, стон сраженных
Принудят мирных соловьев

Искать в пределах отдаленных
Иных долин, других кустов,
Где красный день, как ночь, спокоен,
Где их царицу, их любовь,
Не стопчет розу мрачный воин
И обагрить не может кровь.

Чу!.. топот... пыль клубится тучей,

И вот звучит труба войны,
И первый свист стрелы летучей
Раздался с каждой стороны!
Новорожденное светило
С лазурной неба вышины
Кровавым блеском озарило
Доспехи ратные бойцов.
Меж тем войска еще сходились
Всё ближе... ближе – и сразились;
И треску копий и щитов,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье – царь в душах людей
И удивления сильней.

Была ужасна эта встреча,
Подобно встрече двух громов
В грозу меж дымных облаков.
С успехом равным длилась сеча,
И всё теснилось. Кровь рекой
Лилась везде, мечи блистали,
Как тени знамена блуждали
Над каждой темною толпой,
И с криком смерти роковой
На трупы трупы упали...
Но отступает наконец
Одна толпа; и побежденный
Уж не противится боец;
И по траве окровавленной
Скользит испуганный беглец.
Один лишь воин, окруженный
Враждебным войском, не хотел
Еще бежать. Из мертвых тел
Вокруг него была ограда...
И тут остался он один.
Он не был царь иль царский сын,
Хоть одарен был силой взгляда

И гордой важностью чела.
Но вдруг коварная стрела
Пронзила витязя молодого,
И шумно навзничь он упал,
И кровь струилась... и ни слова
Он, упадая, не сказал,
Когда победный крик раздался,
Как погребальный крик над ним,
И мимо смелый враг промчался,
Огнем пылая боевым.

На битву издали взирая
С горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской,
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось в ней,
Всечасно слезы набегали
На очи, полные печали...
О боже! – Для таких очей
Кто не пожертвовал бы славой?
Но Зораиму был милей
Девичьей ласки путь кровавый!
Безумец! ты цены не знал
Всему, всему, чем обладал,
Не ведал ты, что ангел нежный
Оставил рай свой безмятежный,
Чтоб сердце Ады оживить;
Что многих он лишил отрады
В последний миг, чтоб усладить
Твое страданье. Бедной Ады
Мольбу отвергнул хладно ты;
Возможно ль? ангел красоты
Тебе, изгнанник, не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядит и ждет... но что же?
Давно уж в поле тишина,

Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными телами
Долина битвы устлана...
Увы! где ангел утешенья?
Где вестник рая молодой?

Он мучим страстию земной
И не услышит их моления!..
Уж солнце низко – Ада ждет...
Всё тихо вокруг... он всё нейдет!..

Она спускается в долину
И видит страшную картину.
Идет меж трупов чуть дыша;
Как у невинного пред казнью,
Надеждой, смешанной с боязнью,
Ее волнуется душа.
Она предчувствовать страшится,
И с каждым шагом воротиться
Она желала б; но любовь
Превозмогла в ней ужас вновь;
Бледны ланиты девы милой,
На грудь склонилась голова...
И вот недвижна! Такова
Была б лилея над могилой!
Где Зораим? Что, если он
Убит? – но чей раздался стон?
Кто этот раненный стрелою
У ног красавицы? Чей глас
Так сильно душу в ней потряс?
Он мертвых окружен грядою,
Но час кончины и над ним...
Кто ж он? – Свершилось! – Зораим.

«Ты здесь? теперь? – и ты ли, Ада?
О! твой приход мне не отрада!
Зачем? – Для ужасов войны
Твои глаза не созданы,

Смерть не должна быть их предметом;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда — что пользы в этом?..
Лишь я хотел увидеть кровь
И вижу... и приход мгновенья,
Когда усну, без сновиденья.
Никто — я сам тому виной...
Я гибну! Первою звездой
Нам возвестит судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мне руку:
Я виноват перед тобой...

Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родных, ни крова,
И даже... на груди другого
Не будешь счастлива опять:
Кто может дважды счастье знать?

«Мой друг! к чему твои лобзанья
Теперь, столь полные огня?
Они не оживят меня
И увеличат лишь страданья,
Напомнив, как я счастлив был;
О, если б, если б я забыл,
Что в мире есть воспоминанья!
Я чувствую, к груди моей
Всё ближе, ближе смертный холод.
О, кто б подумал? как я молод!
Как много я провел бы дней
С тобою, в тишине глубокой,
Под тенью пальм береговых,
Когда б сегодня рок жестокой
Не обманул надежд моих!..
Еще в стране моей родимой
Гадатель мудрый, всеми чтимый,
Мне предсказал, что час придет —
И громкий подвиг совершу я,

И глас молвы произнесет
Мое название, торжествуя,
Но...» Тут, как арфы дальней звон,
Его слова невняты стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабел приметно он.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крепко обнимала,
Забыв, что у нее уж нет
Чудесной власти прежних лет;
Что поцелуй ее бессильный,
Ничтожный, как ничтожный звук,
Не озаряет тьмы могильной,
Не облегчит последних мук.
Меж тем на своде отдаленном
Одна алмазная звезда
Явилась в блеске неизменном,

Чиста, прекрасна, как всегда;
И мнилось: луч ее не знает,
Что на земле он озаряет:
Так он игриво нисходил
На жертву тленья и могил.
И Зораим хотел напрасно
Последним ласкам отвечать;
Всё, всё, что может он сказать,
Уныло, мрачно, — но не страстно!
Уж пламень слез ее не жжет
Ланиты хладные как лед,
Уж тихо каплет кровь из раны;
И с криком, точно дух ночной,
Над ослабевшей головой
Летает коршун, гость незванный.
И грустно юноша взглянул
На отдаленное светило,
Взглянул он в очи деве милой,

Привстал — и вздрогнул — и вздохнул —
И умер. С синими губами
И с побелевшими глазами,
Лик — прежде нежный — был страшной
Всего, что страшно для людей.

Чья тень прозрачной мглой одета,
Как заблудившийся луч света,
С земли возносится туда,
Где блещет первая звезда?
Венец играет серебристый
Над мирным, радостным челом,
И долго виден след огнистый
За нею в сумраке ночном...
То ангел смерти, смертью тленной
От уз земных освобожденный!..
Он тело девы бросил в прах:
Его отчизна в небесах.
Там всё, что он любил земного,
Он встретит и полюбит снова!..

Всё тот же он, и власть его
Не изменилась ничего;
Прошло печали в нем волнение,
Как улетает призрак сна,

И только хладное презрение
К земле оставила она;
За гибель друга в нем осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть к другим, казалось,
Была любовью к нему.
Всё тот же он — и бесконечность,
Как мысль, он может пролетать,
И может взором измерять
Лета, века и даже вечность.
Но Ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;

Людей узнал он: «Сострадания
Они не могут заслужить;
Не награждение – наказание
Последний миг их должен быть.
Они коварны и жестоки,
Их добродетели – пороки,
И жизнь им в тягость с юных лет...»
Так думал он – зачем же нет?..

Его неизбежной встречи
Боятся каждый с этих пор;
Как меч – его пронзает взор;
Его приветственные речи
Тревожат нас, как злой укор,
И льда хладней его объятье,
И поцелуй его – проклятье!..

4 сентября 1831 г. Рюемалар